

Баландин Владислав Игоревич

Balandin Vladislav Igorevich

референт отделения информации ОИОС,
лейтенант внутренней службы ГУ МВД России
по Самарской области

**ministry of internal Affairs of Russia
in the Samara region**

E-mail: bullkee@gmail.com

УДК 343.34

**К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СМИ
И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
СЕТЯХ**

**REFERENT OF THE DEPARTMENT OF INFORMATION
AND PUBLIC RELATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL
AFFAIRS OF RUSSIA IN THE SAMARA REGION.
LIEUTENANT OF INTERNAL SERVICE**

Ключевые слова: недостоверная информация, распространение недостоверной информации, фейковая информация, фейк, уголовная политика.

Keywords: false information, dissemination of false information, fake information, fake, criminal policy.

Часто подготовка и принятие новых уголовных законов объясняется политической целесообразностью в решении отдельных тактических задач государства. Относительно недавно у государства появилась необходимость регулирования тех сфер общественных отношений, которые ранее в этом не нуждались. Одной из таких сфер стало использование информационных технологий в неблагоприятных для общества целях. Статья посвящена вопросам уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан в свете последних уголовно-политических решений. Государство может различными способами влиять на представления общества об общественной опасности того или иного деяния. Делается вывод о том, что границы составов преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ и административного правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КоАП

РФ являются размытыми и порождают межотраслевую коллизию и другие негативные последствия, в результате чего правоприменитель дезориентируется при квалификации деяний. Проанализированная практика привлечения лиц к ответственности подтверждает, что фактически одно и то же деяние может быть квалифицировано и как уголовное деяние, и как административное правонарушение. Потенциально полезные намерения властей бороться с дезинформацией и предупреждать панику у населения в целях защиты общественных интересов сталкиваются с большим количеством проблем в правоприменении из-за неточных юридических конструкций и недостаточного обоснования общественной опасности при криминализации деяния. Существующие в данный момент в сыром виде нормы нуждаются в устранении выявленных правоприменительной практикой недочетов посредством корректировки их диспозиции и санкции. Факт наличия недостатков в юридической технике и противоречий в правоприменительной практике подтверждается тем, что в первый месяц действия рассматриваемых уголовных норм Верховный Суд в двух обзорах пытался разрешить спорные вопросы правоприменения. На основе выявленных в ходе анализа проблем предлагаются рекомендации по их устранению.

Often, the preparation and adoption of new criminal laws is determined by the solution of certain political tasks of the state. Recently, the state needed to regulate previously non-existent public relations. One of these areas was the use of information technology for illegal purposes. The article is devoted to the issues of criminal liability for spreading deliberately false information about circumstances that threaten the life and security of citizens in the light of recent criminal and political decisions. The state can influence public perceptions of the public danger of an act in various ways. It is concluded that the boundaries of crimes, article 207.1 of the criminal code and administrative offences in part 9 of article 13.15 of the administrative code are blurred, spawn conflicts of law and other negative consequences. The law enforcement officer is disoriented when qualifying acts. Analysis of legal practice confirms that the same act can be both a crime and an administrative offense. Potentially useful intentions of the authorities to fight disinformation and prevent panic among the population in order to protect the public interest have many problems in law enforcement such as inaccurate legal constructions and insufficient justification for criminalizing the act. Raw norms need to be corrected by adjusting their disposition and sanctions. The fact that there are shortcomings in legal technology and contradictions in law enforcement is confirmed by the attempts of the Supreme Court of the Russian Federation in two reviews of judicial practice to resolve controversial issues in the first month of the criminal rules under consideration. Based on the problems identified during the analysis, recommendations for their elimination are offered.

Современное уголовное право в Российской Федерации имеет склонность к чрезмерной политизации [1, с. 55]. Все чаще криминализация конкретных деяний объясняется политической целесообразностью в решении отдельных тактических задач государства. Политической целесообразностью также объясняется и отступление от принципов уголовного права. Власть в процессе государственного управления очень активно пользуется возможностями уголовного закона, применяя уголовно-правовой запрет как один из наиболее эффективных и радикальных методов воздействия на людей. Уголовная политика изменяется в зависимости от меняющейся реальности, что, несомненно, отражается на уголовно-правовом регулировании возникающих общественных отношений. В УК РФ вводятся новые статьи либо меняются формулировки уже существующих. Помимо правотворчества, изменения также касаются правоприменения.

Вспышка коронавирусной инфекции SARS-nCoV-2 вынудила государство оперативно реагировать на изменившиеся условия жизни общества. В этих условиях появилась необходимость в правовой оценке относительно новых общественных отношений, которые ранее в ней не нуждались. Речь идет о распространении заведомо ложной информации о коронавирусе журналистами или гражданами через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, в том числе через социальные сети и приложения-мессенджеры. Такого рода информация получила в СМИ название «Fake news».

Ранее, весной 2019 года, были приняты поправки в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Федеральный закон от 18.03.2019 №31-ФЗ) и изменения в ст. 13.15 КоАП РФ (Федеральный закон от 18.03.2019 №27-ФЗ), направленные на противодействие фейковым новостям – недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений и создающей угрозу для безопасности. В течение почти года дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 13.15 КоАП РФ, возбуждались органами внутренних дел крайне редко. Так, в течение 2019 года, по данным Международной правозащитной группы Агора, из открытых источников выявлено лишь

13 дел по различным «фейкам», в основном, локального значения [2]. Такое незначительное количество вызвано отсутствием у властей политической обоснованности применять данную статью. Ситуация кардинально изменилась в конце марта текущего года, когда для государства стала очевидной угроза эпидемии, а вслед за этим было принято решение активизировать внимание правоохранительных органов на возникновение возможных информационных угроз. Так, 26 марта 2020 года в СКР была создана рабочая группа по мониторингу и выявлению в сети Интернет фактов распространения заведомо ложной или непроверенной информации о фактах заражения или количестве инфицированных людей [3]. МВД РФ также отреагировало на возможные угрозы и утвердило ведомственный план неотложных мероприятий для борьбы с распространением коронавирусной инфекции, в числе которых была активизация работы территориальных органов внутренних дел по мониторингу и опровержению недостоверной информации в СМИ и сети Интернет [4]. 27 марта Правительство РФ с той же целью создало Коммуникационный центр [5]. 31 марта законопроект №929651-7 о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации был принят и одобрен Советом Федерации, а на следующий день закон утвердил Президент РФ и закон был сразу опубликован и вступил в законную силу. Таким образом в главу 24 УК РФ введены две новые ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Причем новые статьи расположились следом за ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Подобная оперативность лишь подтверждает опасения государства по поводу возникновения паники у людей вследствие появления недостоверной информации о масштабе распространения инфекции. Очевидно, что контроль информации о распространении вируса и об эпидемии в целом стал именно политическим вопросом.

Исходя из этого, возникают закономерные вопросы по поводу оценки общественной опасности вышеуказанных криминализованных деяний. По мнению В.Е. Жеребкина, поскольку обще-

ственная опасность не имеет заранее установленных признаков, законодатель при ее оценке не опирается на какие-либо точно определяемые понятия [6, с. 144]. По мнению Ю.Е. Пудовочкина, имеет определенный смысл рассматривать сформулированные в ряде постановлений Конституционного Суда РФ правовые позиции в качестве своеобразных правил криминализации деяний, поскольку они являются общеобязательными, признаются большинством юристов и с учетом особой процедуры принятий решений могут являться гарантией адекватного отражения существующих в обществе угроз, а также потребностей личности, общества и государства в обеспечении безопасности [7, с. 77]. Конституционный Суд РФ признавал, что федеральный законодатель, реализуя свои полномочия, самостоятельно определяет положения уголовного закона, а закрепление уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение не может быть произвольным [8]. Однако стоит признать, что границы преступного и не преступного определяются законодателем на основе оценки, а всякая оценка не лишена субъективизма, конъюнктурных соображений и возможных ошибок [9, с. 10]. Стоит согласиться с И.Л. Честновым, утверждающим, что нет преступления и общественной опасности «самих по себе», есть деяния и явления, которые оцениваются определяющей системой ценностей доминирующей социальной группой как общественно опасные в контексте существующей культуры [10, с. 242].

Относительно влияния существующей иерархии ценностей на понимание общественно опасного полагаю, что посягательства на коллективные государственные или общественные интересы вызывают наибольшую реакцию со стороны граждан. Поэтому такие посягательства криминализуются государством в первую очередь, отводя второстепенную роль интересам личности и ее индивидуальным правам и свободам. Очевидно и то, что повышение ценности объекта напрямую связано со снижением порога терпимости (чувствительности) государства в отношении посягательств на него. При сниженном уровне терпимости (чувствительности) государства даже менее вредоносное по своей сути деяние может быть признано преступлением. Возвращаясь к уголовной политике, стоит отметить, что государство может различными способами

влиять на представления общества об общественной опасности того или иного деяния. Оно может вполне справедливо опираться при осуществлении уголовной политики на страхи и потребности граждан, адекватно реагируя на них. А с другой стороны, оно может манипулировать этими страхами и потребностями или использовать свои ресурсы (например, контролируемые СМИ) для формирования у людей необходимого общественного настроения и реакции на те или иные виды преступлений. Искусственно повышается ценность отдельных объектов посягательства и формируется необходимый порог терпимости (чувствительности).

Криминализация деяний, подобных рассматриваемым, проводится государством уже невзирая на реальную опасность, исходящую от них. Они объявляются опасными сами по себе только потому, что выступают отступлением от обобщенного среднего стандарта. Опасность политического свойства в криминализации деяний, не обладающих общественной опасностью, но состоящих в демонстрации или выражении иных мнений, заключается, прежде всего, в официальном ограничении общего объема свободы в социуме. В итоге уголовное право из средства, призванного обеспечивать свободу личности, может являться подавляющим эту свободу средством. Общественность пристально следит за каждым случаем осуждения по вышеназванным статьям Уголовного кодекса, поскольку соответствующие уголовно-правовые запреты воспринимаются как несущие угрозу праву на свободу мысли и слова, а их неопределенность и неясность содержания допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения. Так, в ходе проведенного нами мониторинга СМИ и информации в сети Интернет, за 1 полугодие текущего года удалось выявить более 40 случаев уголовного преследования по ст.207.1 УК РФ в 24 регионах России. Причем первое уголовное дело возбудили уже через два дня после вступления закона в силу. Поводом стал пост в одном из местных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» о том, что зараженного вирусом мужчину якобы отпустили из больницы на общественном транспорте [11].

Стоит признать, что границы составов преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ и административного правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ являются размыты-

ми и порождают межотраслевую коллизию и другие негативные последствия, в результате чего правоприменитель дезориентируется при квалификации деяний. Проанализированная практика привлечения лиц к ответственности подтверждает, что фактически одно и то же деяние может быть квалифицировано и как уголовное деяние, и как административное правонарушение [12].

В ограниченные сроки законодатель в процессе конструирования новых уголовных норм не мог учесть и продумать возможные проблемы правоприменения. Существующие в данный момент в сыром виде нормы нуждаются в устранении выявленных правоприменительной практикой недочетов посредством корректировки их диспозиции и санкции. Например, в ст. 207.1 УК РФ отсутствуют квалифицирующие признаки, отражающие повышенную степень общественной опасности. На мой взгляд, в данном случае именно квалифицирующие признаки, отражающие характеристики объективной и субъективной стороны преступления, позволили бы отграничить данный состав от практически идентичного по конструкции состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ. Статья 207.2 УК РФ не разрешает коллизию, а наоборот создает дополнительные трудности для правоприменителя в части конкуренции двух новых уголовно-правовых норм. Верховный Суд Российской Федерации признал, что по смыслу уголовного закона предмет преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, является более широким по отношению к предмету преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ. Таким образом, несоответствие предметов двух преступлений и отсутствие критериев их различия дает большой простор для усмотрения при трактовке понятия «общественно значимая информация». Факт наличия недостатков в юридической технике и противоречий в правоприменительной практике подтверждается тем, что в первый месяц действия рассматриваемых уголовных норм Верховный Суд в двух обзорах пытался разрешить спорные вопросы правоприменения. В первом обзоре судебной практики по вопросам противодействия распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) суд в толковании проблемных положений закона ограничился только

комментированием текстов норм с обтекаемыми формулировками, разъяснением известных положений о действии закона во времени и признанием возможности применения уголовной ответственности за распространение дезинформации о COVID-19. Во втором обзоре, при анализе признаков субъективной стороны деяния была отмечена необходимость учета только умышленной формы вины, а также была признана публичным распространением информации переписка в мессенджерах. Исходя из разъяснений Верховного Суда нетрудно сделать вывод, что личная переписка может быть публичной. Данное разъяснение представляет особый интерес, если принимать во внимание положение Конституции РФ (ч. 2 ст. 23), в соответствии с которым каждому гарантируется тайна переписки. Такое толкование положений ст. 207.1 УК РФ возможно поставить под сомнение и оспорить в Конституционном Суде РФ.

Таким образом, введение в УК РФ новых ст. 207.1 и 207.2 УК РФ и внушительный рост числа уголовных дел показали включенность уголовно-правового регулирования во внутренние политические процессы. Потенциально полезные намерения властей бороться с дезинформацией и предупреждать панику у населения в целях защиты общественных интересов сталкиваются с большим количеством проблем в правоприменении из-за неточных юридических конструкций и недостаточного обоснования общественной опасности при криминализации деяния.

В целях разрешения конфликтных ситуаций в правоприменительной практике предлагаются следующие практические рекомендации.

Во-первых, необходимо сформулировать и проработать хотя бы на уровне толкования закона систему критериев оценки достоверности общественно значимой информации и обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. К таким критериям, например, можно отнести источник информации, степень его авторитетности, анонимность или открытость и ряд других. Исходя из проанализированных материалов дел, можно сделать вывод о том, что любая информация от неофициального или анонимного источника считается недостоверной, пока не подтверждена государством. То есть на практике действуют пре-

зумпции достоверности официальной информации и исключения возможности распространения ложной или несвоевременной информации государственными структурами.

Во-вторых, органам следствия и суду в каждом случае необходимо устанавливать причинно-следственную связь между публикацией недостоверных сведений и возможностью наступления указанных в законе угроз или фактически наступивших опасных последствий.

В-третьих, необходимо переработать текст ст. 207.1 УК РФ в целях ее отграничения от состава аналогичного административного правонарушения. На мой взгляд, оснований для криминализации данного деяния с такой наиболее широкой диспозицией недостаточно и введение новой нормы представляется явно избыточным. В качестве компромисса возможно введение квалифицирующих признаков, отражающих повышенную степень общественной опасности. Такими признаками могут быть наличие специальной цели в виде дестабилизации деятельности органов власти либо совершение данного деяния из хулиганских побуждений. Квалифицирующим признаком может служить совершение деяния в отношении объектов социальной инфраструктуры.

В-четвертых, так как по задумке законодателя общественная опасность рассматриваемых преступлений состоит в создании паники у населения, то в целях недопущения привлечения граждан к необоснованной уголовной ответственности стоит ограничить применение данных составов во времени, периодом введения режима повышенной готовности или объявления чрезвычайной ситуации в соответствии с ФЗ от 21.12.1994 №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Компромиссом может служить введение административной преюдиции по таким делам, аналогично делам о возбуждении ненависти и вражды.

* * *

1. Кленова Т.В. Квалификация преступлений и уголовная политика – государство и право 2012. №4. С. 55–63.

2. Доклад Международной Агоры: «Эпидемия фейков: борьба с коронавирусом как угроза свободе слова» // URL: <https://www.agora.legal/>

news/2020.06.15/Doklad-Mezhdunarodnoi-Agory-%C2%ABEpidemiya-feikov-borba-s-koronavirusom-kak/1039 (дата обращения: 23.09.2020).

3. В СК России создана рабочая группа по противодействию распространению ложной информации о коронавирусной инфекции // URL: <https://sledcom.ru/news/item/1451926/> (дата обращения: 23.09.2020).

4. Колокольцев утвердил план мероприятий МВД по борьбе с распространением коронавируса // URL: <https://tass.ru/obschestvo/8086455> (Дата обращения: 23.09.2020).

5. Кабмин создал центр, который займется опровержением фейков о ситуации с коронавирусом в РФ // URL: <https://tass.ru/obschestvo/8115699> (дата обращения: 23.09.2020).

6. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976. 150 с.

7. Пудовочкин Ю. Е. Основания, принципы и правила криминализации общественно опасных деяний в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. 2008. №5. С. 76–84.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 №3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пп. 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».

9. Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. М.: РГУП, 2019. 221 с.

10. Честнов И. Л. Общественная опасность преступления в постклассической перспективе // Образование и наука: Вопросы теории и практики. 2015. №1. С. 239-242.

11. Первое в России уголовное дело о «коронавирусном» фейке возбуждено в Петербурге // URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/08/84786-boleznennoe-sostoyanie> (дата обращения: 23.09.2020).

12. Обзор судебной практики в связи с коронавирусом» (Консультант-Плюс, 2020) -<https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=044D153857FFFE8E7658BBD3B1997B5F&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32913-1&ts=9440160266721916336&base=RZR&n=350654&rnd=DE7C7-1BC2E8E572413D045B5241B04F6#4dhytkld9c> (дата обращения: 23.09.2020).